

Р О Б Е Р Т

СИЛВЕРБЕРГ

ЧЕЛОВЕК
В ЛАБИРИНТЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Роберт Силверберг
Человек в лабиринте

«Издательство АСТ»

1969, 2002

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Силверберг Р.

Человек в лабиринте / Р. Силверберг — «Издательство АСТ»,
1969, 2002 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133348-5

Роберт Силверберг – Грандмастер фантастики, обладатель 6 «Небьюла», 5 «Хьюго», 8 «Локусов» и еще десятка разнообразных наград. В ранний период своего творчества Силверберг не пренебрегал ни одним из жанров, – писал научпоп, детективы, эротику. В 1967–1976 годах он полностью сосредоточился на фантастике, заслужив любовь как почитателей твердого НФ, так и фэнтези-саг. Насколько тяжела ноша взвалившего на себя ответственность за все человечество? Ричард Мюллер – дипломат, политик, космический исследователь, зараженный инопланетянами-телепатами, решается на самоизоляцию и уезжает на планету Лемнос, где обнаружено загадочное сооружение – лабиринт, убивающий любое существо, которое решится войти внутрь. Добравшись до центра лабиринта, Мюллер становится единственным обитателем этого ужасного места, добровольным узником. Но над человечеством нависла новая угроза, и только он, отказавшийся от собственной сути, может спасти своих бывших соплеменников...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133348-5

© Силверберг Р., 1969, 2002

© Издательство АСТ, 1969, 2002

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Роберт Силверберг

Человек в лабиринте

Robert Silverberg

THE MAN IN THE MAZE

Печатается с разрешения литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Agberg Ltd., 1969, 2002

© Перевод. О. Колесников, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава первая

1

Теперь Мюллер знал лабиринт очень хорошо. Разбирался, где и какие тут бывают западни и опасные иллюзии, переворачивающиеся плиты и смертельные ловушки. Он жил здесь уже девять лет. Достаточно долго для того, чтобы смириться хотя бы с лабиринтом, если не с ситуацией, которая заставила его искать здесь убежище.

Но ходил он по-прежнему осторожно. Ему довелось несколько раз убедиться, что знание лабиринта, которым он обладал, хотя и дает ему безопасность, но не абсолютную. По крайней мере, однажды он был на грани гибели и только благодаря невероятному везению успел вовремя сделать шаг назад, когда энергетический луч вдруг ударил там, где он собирался пройти. Этот, как и другие пятьдесят, он обозначил на своей карте, но, идя по лабиринту, занимающему площадь крупного города, он не мог быть уверен, что не наткнется еще на что-нибудь, прежде ему неизвестное.

Небо темнело: великолепная сочная зелень полудня сменялась черным мраком ночи. Идя на охоту, Мюллер задержался, чтобы взглянуть на созвездия. Даже их он теперь знал превосходно. В этом вымершем мире он выискивал в небе крупинцы света и объединял их в созвездия, которые называл в соответствии со своими отвратительными, горькими мыслями. Так появились Кинжал, Задница, Древко, Обезьяна, Жаба. На лбу Обезьяны мерцала крохотная, слабенькая звездочка, которую он считал Солнцем. Он не был в этом уверен, потому что блоки с картами он уничтожил сразу же после посадки, но чувствовал, что эта маленькая огненная пылинки – Солнце. Эта же слабая звездочка соответствовала левому глазу Жабы. Порой Мюллер говорил себе, что Солнце нельзя увидеть на небосклоне планеты, отдаленной от Земли на девяносто световых лет, но бывали минуты, когда он несколько не сомневался, что видит именно его. Чуть дальше Жабы лежало созвездие, которое он назвал Весы, подразумеваемая настольные. Чаши этих весов, конечно же, были сильно неуравновешенны.

У этой планеты были три небольшие луны. Воздух здесь, хотя и разреженный, годился для дыхания, и Мюллер уже давно перестал замечать, что вдыхает слишком много азота и слишком мало кислорода. Немного не хватало двуокиси углерода, и от этого он почти не зевал. Но это его, однако, мало печалило. Крепко держа карабин за приклад, он неторопливо шел по чужому городу в поисках ужина. Это тоже относилось к выработавшемуся образу жизни. У него были запасы пищи на шесть месяцев в специальном ионизирующем хранилище, расположенном в полукилометре от его теперешнего местопребывания, но, предпочитая беречь их, он каждый вечер отправлялся за добычей. Таким образом он убивал время, а запасы он хотел сохранить в предвидении того дня, когда лабиринт, может быть, покалечит или парализует его. Он быстро обегал глазами резко загибающиеся улицы. Вокруг поднимались стены, темнели укрытия, ждали ловушки и каверзы лабиринта. Он глубоко дышал. Осторожно поднимал одну ногу, потом ставил ее очень крепко и лишь тогда поднимал другую, оглядываясь вокруг. Свет трех спутников смещался и изменял его тень, раскраивая ее на более мелкие двойные тени, пляшущие и извивающиеся перед ним.

Он услышал писклявый сигнал детектора массы у левого уха. Это означало, что где-то неподалеку зверь весом от пятидесяти до ста килограммов. Он настроил детектор на три уровня, причем второй соответствовал животным средней величины, которыми он мог питаться. Кроме того, детектор сигнализировал о приближении твари от десяти до двадцати килограммов весом и улавливал эманации созданий весом более пятисот килограммов.

Маленькие зверушки Мюллера не интересовали, так как могли очень быстро прыгать и ловко взбираться на вертикальные стены, больших же он вынужден был опасаться сам, ибо им ничего не стоило его растоптать, даже не заметив этого. Избегая тех и других, Мюллер охотился на зверей средней величины.

Он притаился с оружием наготове. Животные, обитающие на планете Лемнос, позволяли убивать себя без каких-либо выдумок с его стороны. Они сохраняли осторожность относительно друг друга, но за девять лет пребывания здесь Мюллера так и не поняли, что он тоже хищник. Скорее всего, представители разумной жизни не охотились здесь уже миллионы лет, так что Мюллер без особого труда каждую ночь убивал зверей, и они все еще не поняли, что такое человек. Единственной его заботой на охоте было подыскать безопасное и укрытое с боков место, чтобы, сосредоточившись на своей жертве, не оказаться добычей какого-нибудь более грозного создания. Стержнем, прикрепленным к пятке левого ботинка, он проверил, достаточно ли прочная позади него почва. Порядок – плотная. Он отступал назад, пока не коснулся спиной холодной поверхности стены. Потом опустил левым коленом на слегка пружинящий тротуар и приготовил карабин к выстрелу. Он был в безопасности и мог ждать. Так прошли, наверное, минуты три. Писк детектора массы продолжал указывать, что животное не далее ста метров. Потом под влиянием теплоизлучения все ближе подходившего зверя тональность писка стала медленно нарастать. Он знал, что из своей позиции на краю площади, окруженной округлыми скалистыми стенами, может застрелить любую тварь, которая выйдет из-за этих поблескивающих стен в форме полумесяца. Сегодня он охотился в зоне Е лабиринта, или же в пятом секторе, считая от центра, в одном из наиболее коварных. Он редко забредал дальше сравнительно безопасной зоны D, но в этот вечер какая-то дьявольская фантазия привела его именно сюда. С тех пор как он более-менее познакомился с лабиринтом, Мюллер ни разу не отважился снова войти в зоны G и H, а в зоне F был всего лишь два раза. Здесь же, в зоне E, он оказывался, наверное, раз пять за год.

Правее от него от скалистой стены отделилась тройная, из-за света трех лун, тень. Писк детектора массы в диапазоне для зверей среднего размера достиг максимума. Тем временем самый маленький из спутников, Антропос, двигавшийся по небу в обратном направлении, изменил очертания теней: контуры разделились, черная полоса пересекла две другие черные полосы. То была тень морды животного, Мюллер это знал. Прошла еще секунда. Он увидел жертву – зверя величиной с крупную собаку, коричневого, с серой мордой, горбатого, уродливого, явно хищника. Первые несколько лет на Лемносе Мюллер не убивал хищных животных, полагая, что их мясо невкусное. Он охотился на местные аналоги овец и коров – ласковых копытных животных, которые бродили по лабиринту, блаженно пощипывая травку в садах. Лишь когда их нежное мясо ему приелось, он убил животное с когтями и клыками, охотившееся на этих вегетарианцев, и, к его изумлению, бифштекс из мяса хищника оказался превосходным. Сейчас он наблюдал, как на площадь выбирается именно такой зверюга. Он видел вытянутую подрагивающую морду, слышал фыркание. Но, скорее всего, запах человека ничего не подсказывал этой твари.

Она самоуверенно, неторопливо направилась через площадь, невтягивающиеся когти клацали по гладкой мостовой. Мюллер приготовился к выстрелу, внимательно целясь то ли в горб, то ли в зад. У него был самонаводящийся карабин, способный автоматически бить без промаха, но, несмотря на это, человек всегда сам задавал прицел. Он, если можно так сказать, не вполне соглашался со своим карабином, целью которого было убить, только убить, тогда как Мюллера интересовала еда. Проще прицеливаться самому, чем втолковывать карабину, что выстрел в мягкий сочный горб разорвет самое вкусное мясо. Ну раскурочит он горб до самого позвоночника, и что? Мюллер любил охотиться с изяществом.

Он выбрал место на хребте в пятнадцати сантиметрах от горба, там, где позвоночник соединяется с черепом. Выстрелил. Зверь тяжело повалился на бок. Сохраняя осторожность,

Мюллер подошел так быстро, как только осмелился. Умело отделив несъедобные части: лапы, голову, брюхо, – он распылил консервирующий лак на мясе, которое вырезал из заливки. От зада он отделил толстый окорок, после чего прикрепил оба куска ремнями к плечам. Потом повернулся. Он отыскал зигзагообразную дорогу, единственную безопасную, ведущую к центру лабиринта. Через неполный час он уже будет в своем убежище в сердце зоны А.

На середине пути через площадь до него неизвестно откуда донесся незнакомый звук.

Он остановился и обернулся. Три небольшие твари сломя голову мчались к убитому зверю. Но не стук когтей этих падальщиков он только что слышал. Может, лабиринт приготовил ему какую-то новую дьявольскую неожиданность? До него донесся низкий протяжный гул, на который налагалось хриплое пульсирование на средних частотах, слишком протяжный, чтобы быть воем какого-либо из крупных животных. Никогда раньше он не слышал здесь ничего похожего.

Вот именно, *здесь* не слышал. Он начал перетряхивать ячейки памяти. И через мгновение понял, что звук этот ему отлично знаком. А двоянный рокот, постепенно тающий вдаль, – что это может быть?

Он определил направление. Вроде бы звук доносился сверху и из-за правого плеча. Он посмотрел туда и увидел тройной каскад внутренних стен лабиринта, нависающих одна над другой. А выше? Он перевел взгляд на уже полное звезд небо: Обезьяна, Жаба, Весы.

Мюллер вспомнил, что это за звук.

Корабль. Космический корабль, переходящий с искривления пространства на ионную тягу перед посадкой на планету. Гул компрессаторов и рев тормозных двигателей катились над городом-лабиринтом. Он не слышал этих звуков вот уже девять лет, то есть с того момента, как начал жизнь в этом добровольном изгнании. Итак, у него посетители. Они случайно нарушили его одиночество или же его выследили? Что им здесь надо? В Мюллере вскипел гнев. Ему вовсе не хотелось видеть людей, и он не стремился к их обществу. Зачем им понадобилось нарушать его покой? Он твердо стоял, широко расставив ноги. И одновременно краешком сознания, как всегда, он следил, нет ли поблизости опасности, даже сейчас, тоскливо глядя в сторону вероятного места посадки звездолета. Он не желал иметь ничего общего ни с Землей, ни с ее обитателями. Нахмурившись, он присмотрелся к крохотной искорке света глаза Жабы и лба Обезьяны. «Им до меня не добраться», – решил он.

Они умрут в этом лабиринте, и кости их добавятся к другим костям, вот уже миллионы лет валяющимся здесь по всем проходам.

А если им удастся войти сюда так же, как проделал это он...

Ну, тогда им придется сразиться с ним. Они поймут, как это непросто. Он жестко усмехнулся, поправил висящий на плечах груз и сосредоточил все внимание на обратном пути. Вскоре он был уже в зоне С и в безопасности. Он добрался до своего логова. Уложил на хранение мясо. Приготовил себе ужин. Голова у него разболелась. После девяти лет в этом мире он снова не одинок. В его одиночество вторглись. Он снова ощутил злость. Ведь ему ничего не требовалось, кроме уединения, но и этого Земля не хочет ему дать. Этим людям еще предстоит пожалеть, если они доберутся к нему через лабиринт. Если доберутся.

2

Космический корабль вышел из искривления пространства едва ли не слишком поздно, почти на самой границе атмосферы Лемноса. Чарльз Бордман был этим недоволен. Требуя совершенства во всем от самого себя, он добивался, чтобы и остальные умело управлялись со своими обязанностями. Особенно пилоты.

Ничем не выдав своего недовольства, он активировал экран, и стены кабины украсились живым изображением планеты внизу. Облака почти не заслоняли ее поверхность. Посреди

обширной равнины проступала серия расходящихся кругов, очертания которых различались даже с высоты ста километров. Повернувшись к сидящему в соседнем кресле молодому человеку, он сказал:

– Вот и оно, Нед. Лабиринт Лемноса. И Дик Мюллер в сердце лабиринта.

Нед Раулинс поджал губы.

– Такой большой? Да он, наверное, размером в сотни километров.

– Виден только наружный вал. Лабиринт обнесен кольцеобразной стеной высотой в пять метров. Длина вала по периметру – тысяча километров. Но...

– Да, я знаю, – прервал его Раулинс и тотчас покраснел с той обезоруживающей беззащитностью, которую Бордман считал такой милой и которую намеревался использовать в своих целях. – Прошу прощения, Чарльз. Я не хотел вас перебивать.

– Не страшно! Так о чем ты хотел спросить?

– Вон то темное пятно внутри стен... Это и есть сам город?

Бордман кивнул:

– Центральная часть лабиринта. Двадцать или тридцать километров в диаметре, и лишь Господь ведаёт, сколько миллионов лет назад он был выстроен. Именно там мы отыщем Мюллера.

– Если туда проникнем.

– *Когда* туда проникнем.

– Да, конечно. *Когда* проникнем, – поправился Раулинс и сразу же покраснел. Именно эта обезоруживающая наивность и нравилась в нем Бордману. – Но разве не может получиться, что нам не удастся в него проникнуть?

– Мюллеру удалось, – заметил Бордман. – Он там.

– Ему первому удалось это. Все остальные не смогли. Так вдруг...

– Пробовали многие, – ответил Бордман. – Но без соответствующего снаряжения. Мы справимся. Должны. Так что не думай об этом, лучше полюбуйся посадкой.

Космический корабль снижался. Слишком быстро, подметил Бордман, ощущая дискомфорт от резкого торможения. Он не любил межзвездные путешествия, и хуже всего были посадки. Но это было необходимым. Нед сидел напрягшись, с горящими от любопытства глазами. «Вне сомнения, у этого мальчишки больше сил, и здоровья, и сообразительности, чем это порой кажется. Многообещающий молодой человек, как сказали бы несколько веков тому назад. Был ли я в молодости таким же?» Однако ему казалось, что он всегда был взрослым – сознательным, рассудительным, уравновешенным. Теперь, после восьмого десятка, когда полжизни уже прожито, он мог оценивать себя объективно и сомневался, что изменился хоть сколько-то со своего двадцатилетия, и характер его остался таким же, как и прежде... Он блестяще овладел искусством управления людьми и теперь стал мудрее, но характер его остался без перемен. А вот Нед будет через шестьдесят лет совершенно иным человеком – немного в нем останется от молокососа, что сидит в соседнем кресле. Скептический по натуре, Бордман допускал, что именно эта миссия окажется проверкой на прочность и избавит Неда от наивности.

Бордман прикрыл глаза, когда корабль вышел на последний вираж перед посадкой. Сила тяжести навалилась на его старое тело. Ниже, ниже, еще ниже. Сколько посадок на различных планетах он уже совершил, и всегда им владело это неприятное чувство. Работа дипломата заставляла постоянно перемещаться с места на место. Рождество на Марсе, Пасха на одном из миров Центавра, Зимнепраздник на одной из вонючих планет Ригеля, а теперь это задание – самое сложное из всех. «Человек ведь создан не для того, чтобы мотаться от одной звезды к звезде, – думал Бордман. – Я потерял уже ощущение огромности космоса. Говорят, мы живем в великую эру расцвета человечества, но мне кажется, что человек более счастлив, когда изучает песок на каком-нибудь острове среди голубого моря, чем скитаясь между мирами.

Он сознавал, что под влиянием притяжения планеты Лемнос, на которую корабль так быстро спускался, лицо его исказилось. Мясистые щеки обвисли, не говоря уже о складках жира на животе, ведь он был полным человеком. Без особых усилий он мог бы привести свой внешний вид в соответствие с модными формами молодого современного человека; в эту эпоху люди за сотню вполне могли выглядеть как подростки. Но Бордман в начале своей карьеры сознательно позволил себе стареть. Это было своего рода инвестицией: теряя в шике, он выигрывал в авторитете. Его бизнесом было консультировать правительственных чиновников, а те предпочитали советы солидных мужчин, а не желторотых юнцов. Последние сорок лет Бордман всегда выглядел на пятьдесят пять и надеялся сохранять этот образ уверенного и энергичного зрелого мужчины еще лет пятьдесят. Позже, на закате карьеры, он снова позволит времени поработать над собой. Тогда пусть седеют волосы, западают щеки; он станет делать вид, что ему неизменно восемьдесят лет, и сменит роль Улисса на Нестора. И сейчас у профессионалов принято выглядеть так, будто они лишь слегка не в форме.

Он был низкого роста, но производил столь солидное впечатление, что легко становился центральной фигурой за любым столом переговоров. Его широкие плечи, мощная грудная клетка и длинные руки подошли бы скорее гиганту. Лишь когда он вставал, обнаруживался его низенький рост, но сидя он мог внушать страх. Он не раз убеждался в полезности этого своего недостатка, поэтому никогда не пытался его исправить. Человеку более высокого роста скорее присуще отдавать приказы, а не советы, он же никогда не любил командовать, предпочитая осуществлять власть более деликатными способами. Тогда как невысокий мужчина, солидно выглядящий за столом, вполне способен править империями. Империями управляют, как правило, не вставая.

Вид у него был вполне властный. Пухлый, но четко очерченный подбородок, крупный, широкий нос, солидный и решительный рот, огромные курчавые брови, волосы черные, густо торчащие над массивным лбом с мощными надбровными дугами, способным произвести впечатление даже на неандертальца. На пальцах он носил три перстня: в одном гироскоп из платины и два рубиновых с почти бесцветными вкраплениями урана-238. Одевался скромно и традиционно, любил плотные ткани и почти средневековый покрой. В какой-нибудь другой эпохе он мог быть великосветским кардиналом или честолюбивым премьером. Наверняка он стал бы важной персоной в любое время и при любом дворе. Он стал важной персоной и сейчас. Расплатой за это была кутерьма путешествий. Вскоре ему предстоит высадиться еще на одной чужой планете, где воздух пахнет не так и солнце не такого, как на Земле, цвета. Бордман нахмурился. Долго ли они еще будут садиться?

Он посмотрел на Неда Раулинса. Парень двадцати двух – двадцати трех лет, сплошная невинность, хотя достаточно взрослый, чтобы знать о жизни больше, чем он это показывает. Высокий, вполне симпатичный и без помощи пластической хирургии, светлые волосы, голубые глаза, крупные подвижные губы, ослепительно-белые зубы. Нед был сыном покойного теперь теоретика дальней связи, одного из самых близких друзей Ричарда Мюллера. Возможно, это поможет им начать с Мюллером переговоры, весьма сложные и деликатные.

– Чарльз, вам нехорошо? – спросил Раулинс.

– Переживу как-нибудь. Сейчас сядем.

– Посадка кажется такой долгой, правда?

– Осталась всего минута.

Лицо парнишки почти не изменилось под действием торможения, только левая щека слегка оплыла – и ничего больше. Подобие выражения глумливой насмешки на этом открытом юношеском лице производило странное впечатление.

– Уже скоро, – пробормотал Бордман и закрыл глаза.

Корабль коснулся поверхности планеты. Компрессоры полностью выключились. В последний раз взвыли и замолкли тормозные двигатели. Последний момент шаткой неустой-

чивости, а затем амортизаторы впились в грунт, и грохот посадки смолк. «Мы на месте, – подумал Бордман. – Теперь – этот лабиринт. Теперь – Ричард Мюллер. Теперь посмотрим, не изменился ли он за девять лет к лучшему. Возможно, теперь он совершенно нормальный человек, и, если это так, Господи, помоги нам всем».

3

Нед Раулинс пока что мало путешествовал. Он посетил всего лишь пять миров. Из них три в своей родной системе. Когда ему было десять лет, отец взял его с собой в летние каникулы на Марс. Два года спустя он побывал на Венере и Меркурии. А после окончания школы получил поощрение в виде путешествия за пределы Солнечной системы, на альфу Центавра IV. После чего три года спустя он совершил грустное путешествие в систему Ригель, чтобы привезти останки отца, погибшего в известной катастрофе.

Да, невеликие достижения в области путешествий во времена, когда добраться из одного звездного скопления в другое на кораблях, искривляющих пространство, было не сложнее, чем в прежние времена добраться из Европы в Австралию. Но он не сомневался, что вполне успеет наверстать это позже, когда начнет получать назначения в качестве дипломата. Чарльз Бордман не раз повторял, что межзвездные перелеты очень быстро приедаются и метания по вселенной по сути еще одна нелегкая обязанность. Раулинс приписывал это усталости человека, который вчетверо старше его, но при этом все же подозревал, что Бордман говорит правду.

Ладно, возможно, эти путешествия когда-то наскучат, но сейчас Нед Раулинс стоял на незнакомой планете лишь в шестой раз за всю свою недолгую жизнь. Корабль опустился на огромной равнине, простирающейся вокруг лабиринта. Вал лабиринта протянулся на сотню миль на юго-восток. Сейчас на этой половине Лемноса была полночь. Сутки здесь длились тридцать часов, а год – двадцать месяцев. В этом полушарии уже настала осень и делалось холодно. Экипаж корабля выгружал экструдеры, с помощью которых они довольно быстро смогут возвести и обустроить лагерь. Бордман стоял чуть в стороне, одетый в грубую меховую шубу, задумавшись так глубоко, что Раулинс не осмелился подойти к нему. Он всегда относился к Бордману с почтением и при этом чуточку побаивался его. Он знал, что это старый циник, но все же не мог им не восхищаться. Раулинс знал, что Бордман воистину великий человек. Такие встречаются очень редко. Его отец, наверное, тоже был одним из великих. А также Дик Мюллер. (Раулинсу было двенадцать лет, когда Мюллер попал в ту чертову переделку, что загубила его жизнь.) За столь короткую жизнь оказаться знакомым с тремя подобными людьми – это самая настоящая привилегия. Он страстно желал, чтобы его собственная карьера оказалась хотя бы наполовину столь впечатляющей, как у Бордмана. Конечно, Неду недостает его лисьей хитрости, и он надеялся, что так оно и останется. Зато у него были другие положительные качества и некоторое благородство души, которого Бордману не доставало. «Я могу стать полезным на свой собственный манер», – думал Раулинс, но при том терзался сомнениями: не питает ли он слишком наивной надежды?

Он глубоко втянул в легкие чужой воздух. Посмотрел на небо, пытаясь найти что-нибудь знакомое среди множества мерцающих огоньков, но не нашел. Морозный ветер терзал равнину. Планета казалась заброшенной, пустынной, пустой. Он когда-то читал о Лемносе, еще в школе: одна из древних планет, некогда населенная существами неведомой расы, но уже тысячи веков покинутая, необитаемая. От прежних ее жителей не осталось ничего, кроме окаменевших костей, клочков артефактов – и лабиринта. Построенный ими смертоносный лабиринт окружает вымерший город, который кажется почти не тронутым временем.

Археологи изучали этот город с воздуха с помощью различных аппаратов, разочарованные до глубины души невозможностью туда проникнуть. Здесь побывали уже двенадцать экспедиций, но ни одной из них не удалось пройти лабиринт. Смелчаки быстро становились

жертвами множества ловушек, хитро расставленных во внешней зоне. Последняя экспедиция, пытавшаяся проникнуть в лабиринт, состоялась пятьдесят лет тому назад. Затем сюда прибыл Ричард Мюллер, в поисках места, где сможет скрыться от человечества, и каким-то образом нашел правильный путь.

Раулинс задавался вопросом, удастся ли завязать контакт с Мюллером. Кроме того, он не мог не думать о том, сколько его товарищей по путешествию расстанется с жизнью, пытаясь проникнуть в лабиринт. То, что он сам может умереть, даже не приходило ему в голову. Смерть для таких молодых людей – абстракция, она может произойти только с кем-то другим. Скольким же из тех, кто сейчас трудится над обустройством лагеря, предстоит погибнуть в ближайшие дни?

Пока он размышлял об этом, неподалеку из-за песчаного холма появилось неведомое животное. Раулинс стал с интересом рассматривать этого зверя. Тот отчасти напоминал крупного кота, но когти не втягивались, а из пасти торчали два ряда зеленоватых клыков. Живость невзрачным бокам этого существа придавали светящиеся полосы.

Зверь приблизился к нему на расстояние метров двенадцати, посмотрел безразлично, повернулся полным грации движением и направился к кораблю. Сочетание силы, красоты и гордости в этом звере просто очаровывало.

Теперь он приближался к Бордману. Тот взял на изготовку оружие.

– Нет! – выкрикнул Раулинс. – Не убивайте его, Чарльз! Он пришел просто поглядеть на нас!

Бордман выстрелил.

Зверь подпрыгнул, задержался в воздухе, застыл, вытянув конечности, и упал на землю. Раулинс бросился к нему, не в силах вымолвить ни слова от изумления. «Ведь не было же никакой необходимости в убийстве, – думал он. – Зверь всего лишь любопытствовал. Это же просто подло!»

– Разве нельзя было подождать минуту? Возможно, он сам бы ушел! Зачем...

Бордман улыбнулся. Кивком головы он подозвал одного из членов экипажа, тот создал эксрудером сеть и накинул ее на зверя.

– Я лишь оглушил его, Нед, – добродушно пояснил Бордман. – Часть расходов на эту экспедицию мы собираемся списать на пополнение государственного зоопарка. Неужели ты решил, что я могу быть таким бездушным?

Раулинс почувствовал себя маленьким и глупым.

– Ну... не вполне. Но это...

– Забудь об этом. Хотя нет, постарайся ни о чем не забывать. И получи из этого урок: следует сперва подумать, прежде чем выкрикивать глупости.

– Но если бы я не торопился, а вы его действительно бы убили?

– Тогда ценой жизни этого создания ты узнал бы обо мне кое-что неприятное. Стал бы обладать полезным знанием, что меня провоцирует на убийство все незнакомое и с острыми зубами. А вместо этого все, что ты сделал, – это произвел громкий шум. Если бы я хотел убить, твой крик ничего бы не изменил. Возможно, у меня бы дрогнула рука, и тогда ты добился бы того, что я оказался бы перед разозленным раненым зверем. Так что всегда выбирай подходящий момент, Нед. Порой надо позволить, чтобы что-то произошло, чем действовать слишком поспешно. – Бордман подмигнул. – Не обиделся, Нед? Не чувствуешь себя идиотом после моей маленькой лекции?

– Конечно, нет, Чарльз. Я далек от уверенности, что нет ничего такого, чему мне следовало бы научиться.

– И ты готов учиться у меня, даже если я приводящий в бешенство старый дундук?

– Чарльз, я...

– Прости, Нед. Мне не следовало тебя подкалывать. Ты был прав, совершая попытку удержать меня от убийства зверя. Не твоя вина, что ты не понял моих намерений. На твоём месте я поступил бы примерно так же.

– Вы хотите сказать, что не следовало медлить, когда вы достали парализующее ружье, да? – растерянно спросил Раулинс.

– Пожалуй, не следовало.

– Вы сами себе противоречите.

– Быть непоследовательным – моя привилегия, – сказал Бордман. – Сегодня хорошенько выпись. Завтра с утра мы сделаем облет лабиринта. Составим план, а потом будем посылать туда людей. Может статься, через неделю мы будем беседовать с Мюллером.

– Думаете, он захочет с нами сотрудничать?

– Сперва не захочет. Будет раздраженным, станет плевать в нас ядом. Ведь это мы его отвергли. С чего бы ему теперь помогать людям Земли? Но затем он переменится, Нед, потому что он человек чести, а честь – это нечто, не меняющееся ни при каких обстоятельствах, неважно, насколько ты болен, одинок или обижен. Настоящую честь не может убить даже ненависть. Тебе, Нед, не надо говорить об этом, потому что ты сам человек того же покроя. Даже я обладаю своеобразной этикой и честью. Как-нибудь мы вступим с Мюллером в контакт. Уговорим его покинуть этот проклятый лабиринт и помочь нам.

– Надеюсь, так все и будет, Чарльз. – Раулинс поколебался. – Но как подействует на нас... близость к нему? Я имею в виду его болезнь... его воздействие на окружающих...

– Будет мерзко. Очень мерзко.

– Вы с ним встречались после того, как это произошло?

– Да, много раз.

– Я действительно не могу вообразить, каково это – находиться рядом с человеком, когда все его естество воздействует на тебя. Ведь именно так происходит при встрече с Мюллером?

– Ощущение такое, словно забираешься в ванну, наполненную кислотой, – ответил Бордман с некоторыми колебаниями. – К этому можно привыкнуть, но полюбить это – никогда. Чувствуешь как бы огонь по всей своей коже. Что-то печет, какой-то страх, отчаяние, болезнь, и все это излучается из Мюллера, как фонтан гноя.

– И при этом он человек чести?... Порядочный человек?..

– Да, был. – Бордман посмотрел в сторону далекого лабиринта. – И слава богу, что это так. Ведь это отрезвляющая мысль, да, Нед? Если в голове такого прекрасного человека, как Дик Мюллер, кроется такая дрянь, то что же тогда в мозгу обычных людей? Этих взбалмошных, измученных людей, ведущих свой привычный образ жизни? Если бы их всех постигло такое несчастье, как Дика Мюллера, то их разум опалял бы настолько, что выжег бы все на расстоянии во много световых лет.

– Но Мюллер провел девять лет, пытаясь справиться со своими страданиями, – заметил Раулинс. – Он мог измениться. Что, если к нему теперь вообще нельзя приблизиться? Что, если излучаемое им окажется настолько сильным, что мы не выдержим?

– Выдержим, – сказал Бордман.

Глава вторая

1

В лабиринте Мюллер анализировал ситуацию и прикидывал свои возможности. На экранах видеонаблюдения были видны корабль, пластиковые купола и мельтешение крохотных фигур. Теперь он жалел, что не смог разобраться, как управлять устройствами наблюдения, так как сейчас интересующая его часть изображения была расплывчатой. Но он был доволен тем, что в его распоряжении есть хотя бы такая техника. Очень многие механизмы в городе давно перестали работать, потому что в них рассыпались какие-то важные узлы. Но его поражало то, что огромное количество их сохранило свою трудоспособность в течение стольких веков, и их состояние свидетельствовало о величии техники их создателей. Мюллер понял лишь немногие из них и хотя научился ими пользоваться, но был уверен, что использует очень немногие из тех возможностей, что в них заложены.

Он следил за туманными изображениями ближних своих – людей, занятых обустройством лагеря на равнине, и размышлял, какую новую пакость они ему приготовили.

Он сделал все, чтобы стереть за собой любые следы, когда стартовал с Земли. Взяв в аренду звездолет, он неверно заполнил маршрутный лист, указав, что летит на Сигму Дракона. Во время полета ему пришлось отметить на трех станциях слежения, но на каждой из них он зарегистрировался как совершающий облет Галактики, и маршрут он старательно обдумал так, чтобы никто не мог знать, куда он попадет.

Самая обычная регулярная проверка данных станций слежения должна была выявить, что все три его отчета ложны, однако он рассчитывал, что до ближайшего контроля успеет закончить маршрут и исчезнуть. Судя по всему, ему это удалось, поскольку в погоню за ним не послали скоростные корабли-перехватчики.

Выйдя из искривления пространства вблизи планеты Лемнос, он выполнил последний отвлекающий маневр: оставил корабль на орбите и спустился на планету в капсуле. Термическая бомба взорвала ракету и разбросала ее микроскопические оплавленные обломки на миллионы орбит. Нужен был какой-то поистине фантастический компьютер, чтобы установить источник этих частиц. Бомба была запрограммирована так, что на каждый квадратный метр взрывающейся поверхности приходилось пятьдесят фальшивых векторов, а такое через небольшой промежуток времени сводит на нет работу трассеров. Времени же Мюллеру требовалось немного – лет шестьдесят. С Земли он улетел почти шестидесятилетним и в нормальных условиях мог бы рассчитывать еще по меньшей мере на сотню лет полноценной жизни, но здесь, на Лемносе, без врачей, пользуясь лишь услугами далеко не лучшего диагноста, он знал, что будет счастливым, если дотянет до ста десяти – ста двадцати максимум. Шестьдесят лет одиночества и спокойная смерть в изоляции – вот все, чего он ждал от судьбы. Однако в его тихий уголок вторглись пришельцы. Как они его выследили?

Он пришел к выводу, что выследить его они не могли. Во-первых, он использовал все возможные средства предосторожности. Во-вторых, нет никакой причины, чтобы за ним гнались. Он не совершил ничего такого, за что его стоило преследовать, ловить и возвращать на Землю, в руки правосудия. Он просто человек, жестоко страдающий от непонятной, но неизлечимой болезни, из-за которой всем людям стало противно встречаться с ним, и потому на Земле наверняка рады, что избавились от него. Там он был живым укором для всех, концентратом вины и жалости, темным пятном на совести всей планеты. Он понимал, что его изо-

ляция для них величайшее благодеяние. Поэтому они не станут совершать никаких усилий, чтобы отыскать существо, столь им ненавистное.

И все же – кто эти пришельцы?

Он полагал, что археологи. Мертвый город на Лемносе интересует их, притягивает их к себе. Однако он надеялся, что ловушки лабиринта если и не отбили еще у них всякую охоту к исследованиям, то обязательно отобьют ее. Город был обнаружен более ста лет назад, но потом планету избегали по весьма конкретным причинам. Он сам видел останки тех, кто пытался проникнуть в лабиринт. Если он и попал сюда, то только потому, что, доведенный до отчаяния, не боялся смерти. Кроме того, огромное любопытство толкало его вперед, заставляя проникнуть в сердце лабиринта и разгадать эту тайну. К тому же только в лабиринте он и видел свое убежище, проник сюда и поселился здесь. Он тут обосновался, но вот появились пришельцы.

«Им сюда не проникнуть», – сказал Мюллер самому себе.

Удобно устроившись в центре лабиринта, он располагал достаточным количеством уцелевших приспособлений, показывающих хотя и не совсем резко, но зато бесперебойно. Таким образом, он видел, как перемещаются из зоны в зону животные, на которых он охотился. В какой-то степени он мог держать под контролем ловушки лабиринта, которые были, по сути, всего лишь пассивными ловушками и, однако, могли пригодиться в борьбе с каким-либо врагом. Уже не раз, когда хищные звери размером со слона пытались пробраться к центру лабиринта, он сбрасывал их в глубокий колодец в зоне D. Теперь он спрашивал себя, какие средства он готов применить против людей, если они заберутся так далеко, и не находил ответа. По сути, люди не вызывали в нем ненависти: он лишь хотел, чтобы они оставили его наедине с тем, что могло восприниматься как покой.

Его глазами были камеры. Он поселился в низком шестиугольном помещении – судя по всему, одной из жилых квартир в центре города – со встроенными в стену экранами видеонаблюдения. Более года он выяснял, какие части лабиринта соответствуют изображениям на экране. Шесть экранов в самом нижнем углу показывали участки зон от А до F. Камеры крутились на 180°, позволяя из укрытия наблюдать участки, примыкающие к выходам из других зон. Поскольку лишь один вход в каждую зону был реально проходим, а остальные были фактически смертельными маршрутами, то он спокойно мог наблюдать и контролировать зверей, которые в поисках пищи перемещались из зоны в зону. То, что происходило у ложных входов, его не интересовало. Упорно пытающихся проникнуть через них ждала только смерть.

В верхнем ряду экраны с седьмого по десятый вроде бы давали изображения зон G и H, наиболее близких к наружной стороне, самых больших и самых опасных. Мюллер решил не рисковать и не проникать в них для подтверждения этой гипотезы. Его вполне удовлетворяло и то, что он видит на этих экранах изображения и наиболее удаленных мест лабиринта. Нет смысла, думал он, нарываться на неприятности только затем, чтобы детально исследовать ловушки. Одиннадцатый и двенадцатый экраны показывали пейзаж вне пределов лабиринта – равнину, оккупированную недавно прибывшим кораблем.

Немногие из все еще действующих устройств имели для него такую информационную ценность. Посреди центральной площади города стоял под защитным зонтиком из хрусталя двенадцатигранный камень рубинового цвета, и внутри него тикал какой-то механизм. Мюллер предполагал, что это атомные часы, отмеряющие время в единицах, принятых в то время, когда они были спроектированы. Камень подвергался определенным изменениям: рубиновая поверхность мутнела, приобретала цвет граната, а то и черный, сам же камень перемещался на своем основании. Мюллер старательно регистрировал все изменения, но еще не понял их причин. Эти метаморфозы происходили не случайно, но их ритмику и последовательность он понять не мог.

На каждом из углов этой восьмиугольной площади стоял плавно сужающийся кверху металлический столб высотой примерно в шесть метров. Эти столбы медленно поворачива-

лись на протяжении всего года. Мюллер знал, что полный оборот они делают каждые двадцать месяцев, то есть за то время, которое занимает у Лемноса один оборот вокруг Солнца, но подозревал, что эти пилоны имеют какой-то более глубокий смысл. Он не раз пытался тщательно исследовать эти сверкающие пилоны, но безрезультатно.

На улицах зоны А на равных расстояниях располагались клетки с прутьями, выполненными из материала, напоминающего алебастр. Но ему не удалось никаким способом открыть их. И однако дважды за эти годы он видел, что прутья втянуты и клетки распахнуты. Первый раз они были открыты на протяжении трех суток, а потом, ночью, когда он спал, прутья вернулись на место. Несколько лет спустя клетки снова раскрылись. Он попытался не спускать с них глаз, стремясь узнать секрет этого механизма. Но на четвертую ночь стоило ему задремать, как они закрылись.

Не менее таинственным был акведук. Вдоль всей зоны В проходил замкнутый и выполненный словно бы из оникса желоб, от которого через каждые пятьдесят метров торчал загнутый вниз кусок трубы. Когда он подставлял под открытый конец трубы емкость, начинала течь чистая вода. Когда же он попытался сунуть в трубу палец, оказывалось, что отверстия там нет. Вода словно бы просачивалась через какую-то проницаемую каменную пробку, он считал это невозможным, но радовался, что обеспечен чистой, почти родниковой водой..

Его все еще изумляло, как много уцелело в этом сверхдревнем городе. Археологи после исследования артефактов и скелетов пришли к выводу, что разумные существа исчезли тут более миллиона лет назад, даже, может, пять-шесть миллионов. Он, хотя и был археологом-любителем, научился определять возраст окружающего. Найденные на равнине ископаемые останки были невероятно древними, а внутренние стены города свидетельствовали, что лабиринт относится к тем же временам, что и эти останки.

И все-таки большая часть города, построенного до зарождения и эволюции человека на Земле, казалась не тронутой временем. Возможно, частично этому способствовал климат – исключительно сухой, здесь не было никаких бурь, не шли дожди – по крайней мере те девять лет, которые Мюллер здесь находился. Однако даже только ветер и гонимый ветром песок за миллионы лет могли бы изрезать стены и мостовую, но и следов их воздействия не было заметно. Песок даже не скапливался на плитах улиц. Мюллер знал почему. Скрытые механизмы содержали все в идеальном состоянии, всасывая любую грязь. Он собрал несколько горстей земли в садах и разбросал ее. Пару минут спустя она начала ползти и исчезла в щелях, приоткрывшихся у основания зданий и тут же сделавшихся снова невидимыми.

Скорее всего, под городом раскинулась огромная сеть каких-то неведомых механизмов – нетленные сохраняющие устройства, защищающие город от челюстей времени. У Мюллера не было подходящего оборудования, чтобы взломать мостовую, твердости которой не могло ничто противостоять. Самодельными инструментами он начал копать в саду, надеясь таким образом добраться до этих подземелий, но хотя и выкопал яму глубиной в три метра, а при второй попытке еще глубже, он не нашел ничего, кроме почвы. Однако скрытые стражи, безусловно, существовали – какая-то техника обеспечивала работу видеонаблюдения, чтобы улицы оставались чистыми, чтобы стены не крошились и чтобы смертоносные ловушки всегда ждали наготове.

Трудно было вообразить, что за раса выстроила такой вот город – способный существовать миллионы лет. Еще труднее было представить, от чего такие существа вымерли. Если исходить из того, что окаменелости, найденные в захоронениях за пределами лабиринта, и были его строители, то город построили гуманоиды небольшого роста (около полутора метров), очень широкие в плечах, с длинными руками, оканчивающимися гибкими пальцами, и ногами с двумя суставами.

Следов такой расы не было найдено ни на одном из известных миров; возможно, они перебрались в какой-то отдаленный уголок галактики, еще не посещенный человеком. Или же,

возможно, вообще не путешествовали в космосе, развивались на этой планете и погибли все здесь же, на Лемносе, оставив этот город своим единственным памятником.

Кроме города, ничто на планете не свидетельствовало о том, что некогда она была населена, хотя захоронения находили даже в тысяче километров от него, но чем дальше от лабиринта, тем реже. Возможно, за прошедшие века остальные города исчезли с поверхности Лемноса, и сохранился лишь этот. Или же укрытие, рассчитанное на миллион существ, было на Лемносе единственным городом. Теперь ничто не свидетельствовало о существовании других некогда населенных пунктов. Сама идея лабиринта подсказывала, что перед своим исчезновением это племя заперлось в твердыне, чтобы спастись от грозного неприятеля; но Мюллер знал, что это только домысел. Вопреки всему он не мог избавиться от впечатления, что лабиринт появился из-за какого-то сбоя в развитии цивилизации, как следствие всеобщей паранойи, а не из-за внешней угрозы.

Не получилось ли так, что сюда вторглись некогда чужаки, для которых преодоление лабиринта не представляло никакой сложности, и перебили всех жителей города, после чего очищающие механизмы убрали с улиц кости? Проверить это было невозможно. Попав в город, он застал его тихим и мертвым, как будто здесь никогда не было никакой жизни – город автоматов, пустой, безупречный. Лишь животные населяли его. Мюллер насчитал примерно двадцать видов млекопитающих. Травоядные животные паслись в городских садах, а хищники жили в заброшенных домах и на охоту выходили в парки. Экологическое равновесие здесь было совершенным. Этот город напоминал ему Вавилон пророка Исайи: не будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там.

Теперь этот город принадлежал Мюллеру. Он мог до конца жизни заниматься исследованием его тайн.

Попытки проникнуть в город совершали не только люди Земли. Входя в лабиринт, Мюллер не мог не увидеть тех, кто не преуспел. В зонах Н, G и F лежало довольно много скелетов людей. Три человека добрались до зоны E, а один даже до зоны D. Но он весьма удивился, обнаружив кости неведомого происхождения. В зонах Н и G встречались скелеты крупных, напоминающих драконов созданий, все еще прикрытые клочьями скафандров. Если когда-нибудь любопытство одержит победу над страхом, он может вернуться туда, чтобы взглянуть еще раз. Ближе к центру лабиринта лежало изобилие останков самых разнообразных существ, в основном человекоподобных, но заметно отличающихся от людей. Он не мог и догадываться, как давно прибыли сюда эти создания; могут ли лежащие открыто скелеты сохраняться даже в таком сухом климате более нескольких веков? Эта галактическая помойка была для Мюллера отрезвляющим напоминанием о том, что он превосходно знал: что несмотря на то, что человечество за двести лет исследования Галактики не встретило никакой иноземной разумной расы, во Вселенной полно других разумных существ и рано или поздно встреча с кем-нибудь из них произойдет. На кладбище костей на Лемносе присутствовали останки по меньшей мере двенадцати различных рас. Этот факт усиливал гордость Мюллера тем, что лишь ему удалось проникнуть в сердце лабиринта, но существование множества разумных рас, вышедших в космос, его не радовало. Он предпочел бы и с людьми никогда не встречаться.

Первые несколько лет он удивлялся, почему останки вообще остаются в лабиринте. Он знал, что механизмы города безжалостно устранили любой мусор – как пыль, так и кости съеденных им животных. Но скелеты потенциальных захватчиков лабиринта оставались. Почему такое отклонение от опрятности? Почему исчез труп животного размером со слона, попавшего в энергетическую ловушку, но продолжали лежать останки дракона, убитого этой же ловушкой? Потому что дракон обладал защитной одеждой, а значит, был разумным? Мюллер понял, что уборщики обходят стороной только трупы разумных существ.

В качестве предостережения. *Оставь надежду всяк сюда входящий.*

Эти скелеты – один из видов оружия в психологической войне, которую вел с каждым пришельцем бездумный и бессмертный дьявольский город. Они должны были напоминать: смерть подстерегает здесь повсюду. Как именно город определял, какие трупы убирать, а какие не трогать, Мюллер не знал, но не сомневался, что какая-то методика существует.

Сейчас он смотрел на экраны. Следил за суетой крохотных фигурок возле космического корабля.

«Пусть только попробуют войдут, – думал он. – Город много лет никого не убивал. Уж он-то ими и займется. Я в безопасности».

И еще он знал, что даже если они доберутся до него, то надолго тут не задержатся. Его недуг оттолкнет их. Может, им и хватит ловкости одолеть лабиринт, но им не справиться с тем, что сделало Мюллера отверженным среди сородичей.

– Убирайтесь прочь! – произнес он вслух.

Услышав рокот двигателей, он вышел наружу и увидел, как площадь пересекает движущаяся тень. Значит, они обследуют лабиринт с воздуха. Он спешно вернулся обратно, посмеявшись в душе над инстинктом, повелевшим ему спрятаться. Разумеется, они способны отыскать его, где бы он ни находился. Экраны наблюдения подскажут им, что в лабиринте живет человек, и они, конечно, постараются наладить с ним связь, даже не зная, кто он. А затем...

Он оцепенел от внезапно навалившейся на него тоски. Пусть они придут. Он снова сможет разговаривать с людьми. Забыть об одиночестве.

Он *хотел*, чтобы они пришли.

Всего лишь мгновение. Мимолетное желание вырваться из одиночества подавила логика: леденящее осознание того, что случится, если он снова предстанет перед ними. «Нет, – подумал он. – Не подходите! Или погибнете все в лабиринте! Держитесь подальше! Не приближайтесь! Не подходите!»

2

– Прямо здесь, внизу, Нед, – сказал Бордман. – Это, должно быть, он. Видишь точку на этом экране? У этого объекта правильная масса, правильная плотность и вообще все сходится. Один-единственный живой человек; это должен быть Мюллер.

– В самом сердце лабиринта, – сказал Раулинс. – Ему действительно удалось проникнуть туда.

– Как-то удалось.

Бордман всмотрелся в изображение на экране. С высоты нескольких километров структура внутренней части города просматривалась весьма четко. Он различал восемь зон, каждая со своим характерным стилем застройки; были хорошо видны площади и бульвары, острогранные стены, хитросплетение улиц, закручивающееся в головокружительный чужеродный узор. Зоны были концентрическими по отношению к широкой площади посередине всего этого, и детектор массы на разведывательном самолете обнаружил Мюллера среди невысоких зданий к востоку от этой площади. Но никаких проходов из одной зоны в другую Бордман найти не смог. Казалось, что все состоит из тупиков, и наметить путь по наблюдениям с воздуха не удалось. А каково же пытаться сделать это, идя по земле?

Бордман знал, что это почти невозможно. В информационной системе корабля были подробные отчеты всех предыдущих неудачных экспедиций. Бордман собрал всю информацию о проникновении в лабиринт, какую смог, и почти все из этого не обнадеживало, за исключением лишь одного несомненного факта: Ричарду Мюллеру это удалось.

– Наверное, это звучит наивно, Чарльз, – сказал Раулинс, – но почему бы нам просто не опустить самолет-разведчик и не посадить его прямо на центральной площади?

– Сейчас я тебе покажу.

Он отдал распоряжение. От корпуса самолета отделился робот-зонд и начал падать на город. Бордман и Раулинс следили за его полетом, пока он не оказался на высоте нескольких десятков метров над крышами зданий. Сквозь его фасеточный глаз они получили изумительно четкое изображение строений внизу, так что можно было рассмотреть даже замысловатую фактуру поверхности большей части каменной кладки. Внезапно робот-зонд исчез. Блеснуло пламя, взметнулся клуб зеленого дыма – и больше ничего не стало.

– Все осталось, как прежде. Весь этот район по-прежнему прикрывает экран. Все, что приближается сверху, сжигается.

– И даже если птица...

– На Лемносе нет птиц.

– А дождь? Что-либо, падающее на город...

– На Лемносе нет осадков. По крайней мере в этом полушарии. Защита не пропускает ничего постороннего. Это нам известно со времен первой экспедиции. Некоторые смельчаки установили это самым печальным способом.

– Даже не попытавшись отправить сначала робот-зонд?

– Если ты видишь посреди пустыни на мертвой планете покинутый город, – с улыбкой заметил Бордман, – то без опасения пытаешься в этот город проникнуть. Вполне объяснимая ошибка – но Лемнос ошибок не прощает.

Он жестом приказал снизиться, и самолет стал опускаться, следуя вдоль внешнего вала лабиринта. Затем поднялся немного выше и завис над центром города, проводя фотосъемку. В многочисленных зеркалах отражался блеск местного светила, совсем не похожего на Солнце. Бордмана охватила ужасная тоска. Они снова и снова пролетали над городом, дополняя новыми деталями заранее заготовленную схему, и Бордман вдруг обнаружил, что в раздражении желает, чтобы на следующем проходе поток света ударил от зеркал в самолет и обратил их всех в пепел, избавляя от необходимости выполнять это задание. Он потерял интерес к оттачиванию мелких деталей, и слишком много деталей стояло здесь между ним и его целью. Говорят, что нетерпение – признак молодости, и чем старше человек становится, тем безмятежнее и хитроумнее плетет он паутину своих планов, но сейчас Бордман поймал себя на том, что ему хочется завершить это задание как можно скорее. Отправить какого-нибудь робота, который на гусеничном ходу проломится через лабиринт, схватит Мюллера и выволочет его наружу. Чтобы сказать ему, чего от него хотят, и заставить согласиться выполнить это. И тогда можно будет тут же умотать обратно на Землю. Но этот настрой прошел. Бордман снова ощутил себя хитрым лисом.

Капитан Хостин, которому предстояло отправить в этот лабиринт людей, пришел засвидетельствовать свое почтение. Он был невысоким, толстоватым, с плоским носом и бронзовым загаром, а мундир на нем смотрелся так, будто вот-вот соскочит с левого плеча. Бордман знал, что он человек дела, готовый рискнуть двадцатью жизнями, в том числе и своей собственной, лишь бы добраться до сердца лабиринта. Он покосился на экран перед лицом Бордмана и спросил:

– Узнали что-нибудь новое?

– Ничего. Так что предстоит поработать.

– Идем уже на посадку?

– Да, пожалуй, – сказал Бордман и посмотрел на Раулинса. – Если только ты не хочешь еще что-нибудь уточнить, Нед.

– Я? Ох, нет-нет. Это... ну, я подумал, а следует ли нам вообще входить в лабиринт? Может, удастся выманить Мюллера, поговорить с ним снаружи...

– Нет.

– Не получится?

– Нет, – категорично отверг Бордман. – Первое: Мюллер не выйдет по нашей просьбе. Он нелюдим. Ты забыл об этом? Он живьем похоронил себя здесь, чтобы оставаться как можно дальше от человечества. С чего бы ему к нам выходить? Второе: выманивая его, нам придется слишком многое рассказать ему о том, чего мы от него хотим. А в этой игре, Нед, раскрывать карты с самого начала – неправильная стратегия.

– Не понимаю, о чем вы.

– Допустим, мы будем действовать в соответствии с твоим планом. Что мы скажем Мюллеру, чтобы выманить его из лабиринта?

– Ну... что прибыли с Земли специально за ним, чтобы он помог нам в ситуации, опасной для всего человечества. Что мы наткнулись на расу чуждых существ, с которыми не можем наладить контакт, а это крайне необходимо, и только он один способен помочь. Так как мы... – Раулинс прервал себя, будто бы сам осознал бессмысленность своих слов. Его щеки чуть порозовели. Он хрипло продолжил: – Разве для Мюллера это будет недостаточным аргументом?

– Вот именно. Один раз Земля уже посылала его в мир чужаков, и те разрушили его жизнь. Вряд ли он захочет попробовать это еще раз.

– Так как же можно склонить его к тому, чтобы он нам помог?

– Воззав к его чести. Но пока это не главная задача. Пока мы обсуждаем, как выманить его из лабиринта. Ты предложил, чтобы мы через громкоговорители подробно объяснили ему, что от него требуется, а потом ждали, когда он выбежит и поклянется, что сделает все возможное ради старой доброй Земли. Так?

– Ну примерно.

– Но это не годится. Поэтому мы должны попасть в лабиринт сами и заслужить признание Мюллера, чтобы убедить его в необходимости сотрудничества. Но из этого тоже ничего не выйдет, если мы не скажем ему всю правду, рассеивая его подозрительность.

На лице Раулинса появилось выражение напряженного внимания.

– Что мы ему скажем, Чарльз?

– Не *мы*. Ты скажешь.

– Так что я ему скажу?

Бордман вздохнул:

– Скажешь ему ложь, Нед. Кучу вранья.

3

Они привезли с собой множество оборудования и снаряжения, для того чтобы справиться с лабиринтом. Корабельный мозг, конечно, был компьютером высшего класса, и в него были заложены подробности всех предыдущих попыток людей пробраться в город. Недоставало лишь сведений о последней экспедиции, увенчавшейся успехом. Но сведения о неудачах тоже были полезны. Компьютер контролировал множество вспомогательных устройств, управляемых на расстоянии: автоматические зонды, наземные и летающие, телескопические камеры, самые разнообразные датчики и т. д. Прежде чем начать рисковать жизнью людей, Бордман и Хостин предполагали провести в лабиринте пробы со множеством роботов. На корабле у них был приличный запас автоматических устройств и запасных частей к ним, так что они могли без хлопот заменить все аппараты, которые потеряют. Роботы должны были собрать как можно более полную информацию, которую смогут потом использовать люди.

Прежде еще никто не применял такой основательный подход к проникновению в лабиринт. Первые исследователи просто входили в него, ни о чем не подозревая, и погибали. Более поздние, хорошо зная их судьбу, уже осторожнее входили в лабиринт и вполне удачно избегали видимых ловушек, и даже использовали хитроумные датчики, но только на этот раз люди

занились предварительным изучением лабиринта в целом. Никто особо не верил, что техника обеспечит им безопасность, но она хотя бы способствовала ей.

Облеты в первый день дали всем хороший визуальный образ лабиринта. Вообще говоря, людям необязательно было самим участвовать в полетах – они могли бы видеть все через ретрансляторы на большом экране, не покидая их лагеря, и получить представление обо всем внизу, отправляя летающие автоматические зонды. Но Бордман настоял на этом. Сознание по-разному воспринимает то, что передают издалека на экран, и то, что взаимосвязано с непосредственными впечатлениями. Теперь все они посмотрели на город с воздуха и видели, что стражи лабиринта способны сделать с зондом-разведчиком, осмелившимся приблизиться к защитному полю над городом.

Раулинс высказал предположение, что, может быть, в защите есть какие-то окна. Чтобы проверить это, они под конец дня нагрузили зонд металлическими гранулами, и тот завис в пятидесяти метрах над наивысшей точкой лабиринта. Автоматическое наблюдение фиксировало, как зонд неторопливо запускал гранулы по одной практически на каждый квадратный метр над городом. И как каждая из них падала и сторала. Они установили, что толщина экрана не везде одинакова и над зонами ближе к центру лабиринта составляет всего два метра над самыми высокими объектами, а с удалением от центра постепенно увеличивается, образуя над городом невидимую чашу. Но никаких окон не было, поле было сплошным. Хостин проверил, нельзя ли пробить экран. Зонд сбросил в выбранные места вереницы гранул. Поле уничтожило все их, из-за чего казалось, что над городом вспыхнуло яркое пламя.

Ценой гибели нескольких механических кротов они убедились, что проникнуть в город через подземный туннель тоже нельзя. Кроты раскопали песчаный грунт за внешней стеной, прокладывая себе дорогу на глубине в пятьдесят метров, чтобы выйти на поверхность внутри лабиринта. Все они были уничтожены магнитными полями, когда находились на глубине двадцати метров от поверхности. Попытка копать вглубь прямо возле внешнего вала тоже ничего не дала, поле уходило в глубину и, судя по всему, окружало весь город.

Один из энергетиков предложил применить энергонасос, чтобы тот высасывал из поля энергию, но и это ничего не дало. Пилон высотой в сотню метров вытягивал энергию со всей окружающей поверхности планеты, голубые молнии шипели на его накопителях, но это не оказало никакого эффекта на защитное поле. Энергонасос запустили в обратную сторону, направив миллионы киловатт на защитное поле. Поле спокойно впитало в себя всю энергию, словно и не заметило этого. Никто так и не смог рационально объяснить, какой энергией само это поле питается.

– Наверное, за счет движения планеты, – сказал энергетик, экспериментировавший с энергонасосом, и затем, понимая, что они не получили никакой новой информации, отвернулся и продолжил руководить демонтажем.

За три дня исследований они убедились, что в город невозможно проникнуть ни с воздуха, ни из-под земли.

– Есть только один способ попасть туда, – сказал Хостин. – А именно – пешком через главные ворота.

– Если обитатели города хотели быть в безопасности, – сказал Раулинс, – то почему же оставили открытыми хотя бы одни ворота?

– Может быть, они хотели сами входить и выходить в любое время, Нед, – спокойно изрек Бордман. – А может, милостиво давали шанс пришельцам. Хостин, направим в главные ворота ваши зонды?

Утро было серым. Небо испятнали облака цвета дыма от костра, и казалось, будто вот-вот пойдет дождь. Резкий ветер вспарывал равнину и бросал в лица людям маленькие комки земли. Сквозь облака время от времени проступал плоский оранжевый круг, словно бы приделанный к небу. Он казался лишь немногим меньше видимого с Земли Солнца, хотя светило

находилось от Лемноса вдвое дальше. Это была небольшая и довольно старая холодная звезда типа М с несколькими планетами. Но только на самой ближней – Лемносе – условия подходили для жизни; остальные были холодными и мертвыми, почти не согреваемыми достигающим их слабым светом и промерзшими до ядра. Двигались все эти планеты очень неторопливо, и даже самая ближайшая, Лемнос, совершала оборот за тридцать земных месяцев; три ее луны, шустро метавшиеся на высоте нескольких тысяч километров по пересекающимся путям, вопиющим образом не соответствовали преобладающему настроению этой планетной системы.

Нед стоял в паре километров от внешней стены перед одним из информационных терминалов и наблюдал, как техперсонал подготавливает аппаратуру, и чувствовал себя несколько неуютно. Даже пейзажи мертвого, изрезанного трещинами Марса не действовали на него так угнетающе, как вид Лемноса, потому что на Марсе никогда не было разумной жизни, а здесь когда-то жили и развивались разумные существа. Весь Лемнос – дом умерших, гробница. Когда-то в Фивах Раулинс вошел в гробницу советника фараона, похороненного пять тысяч лет назад, и, в то время как остальные туристы рассматривали веселые росписи на стенах – фигуры в белом, плывущие на лодках по Нилу, – он смотрел на холодный каменный пол, где на кучке пыли лежал мертвый маленький скарабей с застывшими и торчащими вверх ногами. И с тех пор Египет остался для него только воспоминанием об этом застывшем в пыли скарабее. Лемнос, вероятно, запомнится ему бесконечными равнинами, по которым гуляет осенний ветер. Он задавался вопросом, как же вообще такой живой, энергичный и полный человеческого тепла Дик Мюллер мог искать добровольного изгнания именно здесь, в унылом лабиринте?

Затем он вспомнил, что произошло с Мюллером на бете Гидры IV, и признал, что такой человек мог иметь вполне конкретные причины обосноваться на Лемносе. Эта планета была отличным убежищем: непохожая на Землю, ненаселенная, она давала практически полную гарантию одиночества. «Но вот мы прибыли сюда и хотим выманить его и утащить отсюда. – Раулинс нахмурился. – Грязное дело, грязное», – подумал он. Вечная болтовня, что цель оправдывает средства. Издалека он видел, как Бордман стоит перед основным информационным терминалом и размахивает руками так, будто дает указания людям, разгуливающим по стенам города. Он начинал осознавать, что позволил втянуть себя в какую-то паршивую историю. Бордман, старый хитрый лис, на Земле не вдавался в детали и не объяснял, каким именно образом он намерен склонить Мюллера к сотрудничеству, попросту представив ему эту миссию как приятное путешествие. А между тем это может оказаться чем-то подлым. Он попросту представил это поручение как великолепную прогулку. «Бордман никогда не углубляется в подробности, пока его не вынудят обстоятельства, – решил Раулинс. – Принцип номер один: не разъяснять свою стратегию никому. И благодаря этому я оказался здесь и участвую в заговоре».

Хостин и Бордман распорядились разместить по десятку роботов у каждого из входов в лабиринт. Уже было ясно, что единственный безопасный проход – через северо-восточные ворота, но роботов у них было больше, чем надо, и они хотели получить все возможные данные. Информационный терминал, перед которым стоял Раулинс, показывал только на один участок – он видел перед собой схему этой части лабиринта и мог рассматривать все тупики и повороты. Ему было поручено наблюдение за тем, как там будет пробираться конкретный робот, однако каждого из роботов контролировал не только человек, но и компьютер, причем Бордман и Хостин следили за ходом операции во всем ее объеме.

– Пусть начинают, – распорядился Бордман.

Хостин отдал приказ, и зонды вкатились в ворота города. Теперь, наблюдая на экране продвижение робота из его глаз, Раулинс в первый раз увидел, как выглядит зона Н прямо за входом. Влево от входа убегала голубая стена, сделанная словно из блоков фарфора, справа с массивной каменной плиты свисала занавесь из металлических нитей. Робот миновал эту завесу, которая легко колыхалась в разреженном воздухе, нити задрожали и зазвенели. Он

двинулся вдоль голубой стены, идущей слегка под уклон, и прошел метров двадцать. Дальше стена резко загибалась, поворачивая и образуя что-то вроде комнаты без крыши. При последней попытке проникнуть в лабиринт – это была четвертая экспедиция на Лемнос – здесь шли двое людей: один из них вошел в комнату и благодаря этому уцелел, другой остался снаружи и погиб. Робот вошел в комнату. Миг спустя из середины мозаичного украшения стены ударил луч красного света и прошелся по краю комнаты.

В наушниках Раулинса зазвучал голос Бордмана:

– Мы уже потеряли четырех роботов прямо в воротах. Что с твоим?

– Следует по намеченному маршруту, – доложил Раулинс. – Пока что все в порядке.

– Скорее всего, мы потеряем его примерно через шесть минут после начала. Сколько прошло времени?

– Две минуты пятнадцать секунд.

Робот двинулся из комнаты дальше, минуя то место, где только что плясал луч. Раулинс включил передачу запахов и ощутил вонь паленого и сильный запах озона. Проход разделялся. С одной стороны находился каменный мост с одним поручнем через яму, полную чего-то горящего. С другой стороны дорогу загромождала куча каменных блоков, лежавших в положении неустойчивого равновесия. Мост казался более безопасным, но робот сразу же повернулся и начал перебираться через блоки. Раулинс передал ему вопрос: почему? Робот ответил, что моста вообще нет – это только голографическая проекция аппаратов, которые помещаются за ямой, под виадуком. Раулинс потребовал смоделировать на экране прохождение по мосту и увидел, как изображение робота поднимается на один пролет, потом качается, пытаясь сохранить равновесие, но опора под его ногами наклоняется, сбрасывая его в огненную яму. Ловко, подумал Раулинс и содрогнулся.

Тем временем робот благополучно перебрался по каменным блокам. Прошло три минуты восемь секунд. Дальше дорога была прямой и безопасной, по крайней мере, такой она выглядела. Это была улица между двумя башнями без окон высотой по сто метров, сложенными из какого-то гладкого минерала с маслянистой поверхностью, переливающейся всеми цветами радуги, пока робот проходил мимо. В начале четвертой минуты робот миновал светлую квадратную решетку, рисунком поверхности напоминающую крепко сцепленные зубы, и отскочил в сторону, благодаря чему не был расплюсчен копром в форме зонтика. Через восемьдесят секунд робот обошел трамплин над пропастью, умело обогнул пять четырехгранных острых шипов, которые неожиданно выскочили из мостовой, и вступил на узкую скользкую дорожку, которая довольно быстро несла его ровно сорок секунд.

Все, что он видел сейчас по пути, уже давно, много лет назад описал терранский исследователь Картиссан, здесь и погибший. Он передал полный отчет об этих ловушках лабиринта и продержался шесть минут тридцать секунд. Его ошибка заключалась в том, что он не покинул дорожку на сорок первой секунде. А те, кто наблюдал за его прохождением снаружи, не поняли, что же произошло.

Раулинс, после того как робот сошел с трамплина, запросил еще одно моделирование и увидел на экране предполагаемый компьютером вариант. В конце ската открылась широкая щель и втянула изображение робота. Тем временем робот быстро двигался к чему-то, что выглядело проходом в другую, более внутреннюю зону лабиринта. За ним простиралась хорошо освещенная веселенькая площадь, по краю которой в воздухе висели словно бы мыльные пузыри.

– Я уже на седьмой минуте и все еще продвигаюсь вперед, Чарльз, – сказал Раулинс. – Похоже, впереди вижу проход в зону G. Не следует ли тебе взять сейчас моего робота под контроль?

– Если продержишься еще две минуты, я так и сделаю, – ответил Бордман.

Перед воротами робот задержался. Он включил свой гравитрон и создал энергетический шар. Толкнув его в ворота, он подождал, но ничего не произошло. Словно бы успокоенный, робот двинулся к воротам сам. Когда он проходил их, створки внезапно сомкнулись, как челюсти мощного пресса, расплющив его. Экран погас. Тогда Раулинс переключился на картинку, передаваемую автоматическим аппаратом, висящим над лабиринтом. Аппарат передавал изображение расплющенного робота. Человека такая ловушка стерла бы в порошок.

– Моего робота пристукнули, – доложил он Бордману. – Шесть минут сорок секунд.

– Как я и предполагал, – послышался ответ. – Два робота еще в деле. Переключайся и смотри.

На экране появилась базовая схема – упрощенный вид лабиринта с высоты птичьего полета. Маленький крестик обозначал каждое из мест, где был уничтожен какой-то из роботов. Раулинс после короткого поиска нашел место на границе между двумя зонами, где располагалась эта захлопывающаяся ловушка. Внутренне отметил, что его робот зашел дальше, чем другие, и повеселился над собственной детской гордостью от этого открытия. Во всяком случае, два робота все еще продвигались вглубь лабиринта. Один как раз вступил во вторую зону, а другой подходил к проходу в этот более внутренний круговой сектор.

Схема на экране исчезла, и Раулинс увидел картину лабиринта, передаваемую одним из роботов. Чуть ли не с грациозностью этот металлический цилиндр в рост человека лавировал между строениями, обходя золотистые пилоны, из которых неслась удивительная мелодия, потом светящийся бассейн, наконец, паутину сверкающих металлических спиц и кучу побелевших костей. Раулинс только мельком видел эти кости, робот двинулся дальше, но был уверен, что лишь немногие из них были человеческими. Прямо-таки галактическое кладбище смельчаков.

Пока он следил за путешествием робота, его волнение возрастало. Будто это он сам шел там, избегая одной смертельной ловушки за другой. Пошла пятнадцатая минута. Второй уровень лабиринта выглядел более просторным, чем первый. Видны широкие аллеи, изящные колоннады, длинные галереи, расходящиеся веером от главного пути. Гордость за этого робота, за совершенство его аппаратуры и датчиков наполнила его, и он расслабился, почувствовал себя неуязвимым. Поэтому пережил сильное потрясение, когда одна из плит мостовой перевернулась ни с того ни с сего и робот скатился по длинному желобу во вращающиеся зубчатые колеса какой-то огромной машины.

Впрочем, они не ожидали, что этот робот зайдет по лабиринту так далеко. Теперь все наблюдали за роботом, вошедшим через главные ворота – безопасные. Благодаря скромному запасу информации, собранному ценой многих человеческих жизней, он обходил все ловушки и теперь находился в зоне G почти на границе с зоной F. Все шло, как они и ожидали, и это значит, что все сходилось с опытом людей, которые шли этим маршрутом во время предыдущих экспедиций. Робот точно следовал по тому же пути, не отходя ни на шаг, где надо приседая или уворачиваясь, и находился в лабиринте уже восемнадцать минут без последствий.

– Хорошо, – сказал Бордман. – На этом месте погиб Мартинсон, так?

– Да, – ответил Хостин. – Последнее, что он сообщил, что стоит у той маленькой пирамиды. Потом связь прервалась.

– Значит, начнем собирать свежую информацию. Пока что мы просто убедились, что наши сведения точны. Входом в лабиринт служат главные ворота. Но вот дальше...

Робот, не имея теперь заранее заданной программы действий, стал продвигаться медленно, поминутно останавливаясь, чтобы разнообразными датчиками собирать информацию со всех сторон. Он искал скрытые двери, замаскированные отверстия в мостовой, лазеры, источники энергии и все полученные данные передавал в центральный пульт на корабле. Тем самым с каждым пройденным метром он обогащал запасы полезной информации.

Продвигаясь потихоньку, он преодолел двадцать три метра. Обойдя маленькую пирамиду, он обследовал останки Мартинсона, убитого семьдесят два года назад. Сообщил, что Мартинсон был раздавлен каким-то катком, приведенным в действие его неосторожным шагом. Затем робот миновал еще две простенькие ловушки, но не сумел избежать воздействия дезориентирующего поля, нарушившего работу его электронного мозга. И потому не смог уйти от опустившегося на него пресса.

– Следующему роботу придется отключить все свои цепи, чтобы пройти это место, – проворчал Хостин. – Идти на ощупь с отключенным зрением...

– Возможно, человеку там будет легче, чем машине, – заметил Бордман. – Неизвестно, сможет ли это поле дезориентировать человека так, как это случилось с ходячим нагромождением датчиков.

– Мы еще не готовы выслать туда людей, – напомнил Хостин.

Бордман согласился – не слишком-то охотно, как отметил Раулинс, слышавший этот разговор. Экран снова засветился – к этому месту приближался следующий робот. Хостин на этот раз отправил сразу группу роботов для исследования дороги в лабиринте, всех через главный вход, по проверенному пути, и теперь несколько роботов приближались к убийственной пирамиде. Одного робота Хостин выслал вперед, остальные остановились, чтобы наблюдать. Головной робот, попав в радиус действия дезориентирующего экрана, выключил сенсорные механизмы: он закачался, потеряв чувство направления, но через минуту уже стоял прямо. Лишенный теперь связи с окружающим, он не реагировал на «песни сирены» дезориентирующего поля, которые предательски завели его предшественника под пресс. Фаланга роботов наблюдала эту сцену с безопасного расстояния и со своей позиции передавала все людям точно и без помех. Компьютер сопоставил эти данные с неудачной трассой предыдущего робота и вычислил новую. Парой минут позже слепой робот двинулся вперед под действием внутренних импульсов. Они вывели его в безопасное место, где искажающее поле уже не воздействовало на него. Теперь можно было включить все его датчики. Чтобы проверить результативность этого метода, Хостин послал еще одного робота с таким же заданием. Это удалось. Затем пошел третий робот с включенной аппаратурой, то есть обреченный на дезориентацию. Компьютер указал правильный и безопасный путь, маршрут робота исказился, он свернул в сторону и был уничтожен.

– Порядок, – сказал Хостин. – Раз мы можем провести через преграду машину, значит, сможем провести и человека. Он пройдет с закрытыми глазами, а компьютер будет направлять его, шаг за шагом. Думаю, мы справимся.

Головной робот продвигался дальше. Он отошел на семнадцать метров от дезориентирующего поля, и тут с ним расправилась серебристая решетка, из которой внезапно высунулись два электрода. От робота осталась лишь лужа быстро остывающего металла. Раулинс уныло смотрел, как следующий робот обошел эту ловушку и почти тут же погиб в другой, расположенной по соседству. Но множество других роботов уже терпеливо ждали своей очереди, чтобы двинуться дальше.

«А ведь скоро туда пойдут люди, – подумал Раулинс. – *Мы* пойдем».

Он выключил свой терминал и направился к Бордману.

– Какие у нас перспективы? – поинтересовался он.

– Тяжело, но небезнадежно. Не может же весь путь быть таким вот сложным.

– А если это так?

– Роботов у нас сколько угодно. Будем картографировать весь лабиринт, стараясь узнать все опасные точки, а затем начнем пробовать сами.

– *Вы* пойдете туда, Чарльз?

– Разумеется. И ты тоже.

– И каковы шансы, что мы вернемся?

– Большие. Иначе я не стал бы этим заниматься. Это, конечно, не обычная прогулка, Нед, но не надо и переоценивать трудности. Мы едва начали проникать в лабиринт. Через несколько дней у нас будет информация и мы сможем лучше ориентироваться в нем.

Раулинс молчал, раздумывая.

– А ведь у Мюллера не было никаких роботов, – сказал он наконец. – Как же он смог через это пройти?

– Не представляю, – буркнул Бордман. – Полагаю, он от природы счастливчик.

Глава третья

В лабиринте Мюллер следил за всем происходящим на своих нечетких экранах. Он видел, как входят в лабиринт какие-то автоматы. Как их теряют, помногу и быстро, но каждая последующая волна проникает в лабиринт все глубже и глубже. Методом проб и ошибок роботы прошли уже зону Н и значительную часть зоны G. Он был готов защищаться, если они дойдут до центральной зоны. А пока спокойно занимался своими повседневными делами в самом центре лабиринта.

По утрам он обычно думал о прошлом. Вспоминал иные миры, на которых ему довелось побывать, когда он сам был заметно моложе, планеты с более приятным, чем на Лемносе, климатом. Дружелюбных людей, которые то смотрели ему в глаза, то отворачивались, видел улыбки, слышал смех, ощущал дружественное пожатие рук, восхищался прекрасными фигурами женщин. Он был женат дважды. И первое, и второе супружество закончилось без скандалов, по истечении пристойного срока. Он много путешествовал, имел дело с королями и министрами. Теперь Мюллер почти ощущал запахи сотен планет,двигающихся по небу, как цепочка бусинок, нанизанных на шнурок. «Мы только маленькие лучинки, которые быстро гаснут», – думал он. Но, вспоминая это время, он полагал, что горел довольно ярким пламенем всю весну и лето своей жизни и вовсе не заслужил такую безрадостную осень.

Город-лабиринт по-своему заботился о нем. У него была крыша над головой, и даже не одна, а более тысячи квартир, потому что он время от времени переезжал из одного дома в другой, чтобы переменить обстановку. Все эти дома были пустыми коробками. Он устроил себе ложе из звериных шкур, выстлал его мехами, смастерил вполне приличное кресло из костей и шкур, связав их сухожилиями, а больше никакой мебели ему и не было нужно. Город давал ему воду. Зверей вокруг было столько, что, пока ему хватало сил выйти на улицу и поднять карабин, голод не угрожал. Самое необходимое он привез с собой с Земли. У него были три кубика с книгами и один с музыкальными записями. Этой духовной пищи ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Не забыл он прихватить и сексатор. У него был диктофон, в который он иногда надиктовывал мемуары. Блокнот для рисования. Оружие. Детектор массы. Диагност с блоком регенерации лекарств. Этого для него было вполне достаточно.

Мюллер регулярно питался. Хорошо спал. Его не мучили никакие кошмары и угрызения совести. Он почти смирился со своей судьбой. И почти свyksя с горечью, разлившейся по его организму до того, как образовалась киста в том месте, из которого изливался яд.

В том, что с ним произошло, он не винил никого. Он сам спровоцировал это своей жаждой, своей ненасытностью. Он пытался поглотить вселенную, стремился к состоянию Бога, и тогда какая-то неведомая сила, господствующая над всем, сбросила его с высоты, швырнула и поломала его, и ему пришлось ползти в этот мертвый мир, искать убежища на всеми забытой планете, где его разбитую душу никто не будет трогать.

Много лет тому назад, когда ему было лишь восемнадцать лет, он лежал под звездами обнаженный с девушкой и хвастался своими безмерными амбициями. В двадцать пять он начал их реализовывать. К сорока годам он успел побывать на сотне миров и прославился в тридцати из них. Спустя еще десять лет он возомнил о себе как о крупном политике. Ему было пятьдесят три, когда он позволил Чарльзу Бордману уговорить себя отправиться с миссией на бету Гидры IV.

В этот год он проводил отпуск в системе Тау Кита, на расстоянии тринадцати световых лет от Земли. Мардук, четвертую из планет системы, использовали как место отдыха горняков, занятых ограблением трех ее сестер в отношении химически активных металлов. Мюллеру не нравился способ использования этих планет, но это не мешало ему искать расслабления на Мардуке. Здесь почти не было заметно смен времени года, потому что планета вращалась прак-

тически вертикально вокруг своей оси. Четыре континента, где всегда царила весна, окружал неглубокий океан. Воды океана имели приятный зеленоватый оттенок, растительность на суше была голубоватого цвета, а воздух, слегка кислый на вкус, пьянил, как молодое шампанское. Из этой планеты удалось сделать подобие Земли, но такой, какой она была, возможно, во времена своей девственной молодости; если этот мир и бросал вызов чему-то, то разве что всему искусственному, синтетическому. Гигантские рыбы в океане всегда давали себя поймать, не особо мучая рыболова. Снежные вершины гор можно было покорить, даже не надевая гравитронных ботинок: на них еще никто не погиб. Дикие звери, которыми кишели джунгли, имели могучие клыки и всегда бросались со свирепым рыком на туриста, неосторожно забредшего на их территорию, но были совсем не такими опасными, как выглядели. Вообще-то Мюллер не любил таких мест. Но сейчас, когда ему наскучили опасные зубодробильные приключения, он решил провести пару недель отдыха именно здесь, на Мардуке, в обществе девушки, с которой он познакомился несколько лет тому назад, в двадцати световых годах от этой планеты.

Звали ее Марта. Высокая, стройная, с большими темными глазами, модно подкрашенными ярко-алым, и с голубыми волосами, спадающими на прекрасные точеные плечи, девушка. Она выглядела двадцатилетней, но с таким же успехом ей могло быть и девяносто, но после третьего обмоложения; трудно было угадывать чей-то возраст в этот век великих возможностей, а особенно возраст женщины. Но почему-то Мюллер предполагал, что она действительно молода. Он видел это не только по ее гибкости и жеребьячьему проворству, ибо эти черты можно было приобрести, но и по ее утонченной, особенной воодушевленности, истинно девичьим манерам, которые, как ему нравилось думать, не были результатом применения медицины. И в плавании с поддержкой мини-двигателя, и в прыжках по деревьям, и на охоте с духовым ружьем, и во время их любви Марта всегда была такой увлеченной, как будто это было для нее новым, ранее не испытанным наслаждением.

Мюллер не хотел вникать в это слишком глубоко. Марта была богата, родилась на Земле, ее не связывали никакие видимые семейные узы, она делала то, что хотела, и путешествовала для своего развлечения. Под внезапным порывом он позвонил ей и предложил полететь на Мардук, а она, не задавая лишних вопросов, ответила, что охотно составит компанию. Ее ничуть не смутило, что придется проживать с Ричардом Мюллером в одних апартаментах. Несомненно, она знала, кто он такой, но окружающий его ореол славы был ей абсолютно безразличен. Ее трогало только то, что и как он ей говорил, как сжимал ее в объятиях, как приятно они проводили время, – а его достижениям она не придавала никакого значения.

Их отель – стрелообразная сверкающая башня – стоял в долине над великолепным искрящимся голубым озером. Они жили в апартаментах на двухсотом этаже, ужинали на крыше отеля, куда взлетали на гравитронном диске, а в течение дня могли посещать все развлечения, которые им услужливо предоставлял Мардук. Они проводили вместе все время, целую неделю. Погода была идеальная. Ее маленькие прохладные груди аккуратно помещались в его ладонях, длинные, стройные ноги оплетали его, и в моменты страсти она вонзала пятки в его лодыжки, очаровательно разгоряченная. Но на восьмой день на Мардук прибыл Чарльз Бордман, снял апартаменты в отеле на другом конце континента и пригласил Мюллера к себе.

- Я на отдыхе, – ответил Мюллер.
- Подари мне полдня своего отдыха.
- Я не один.
- Знаю. Приглашаю обоих. Немножко прошвырнемся. Это очень важное дело, Дик.
- Я сюда прилетел отдохнуть от дел.
- От них никуда не скрыться. Ты это знаешь. Мы нуждаемся в тебе именно потому, что ты таков, каков есть. Поэтому – жду.
- Будь ты проклят, – беззлобно ответил Мюллер.

На следующее утро он вместе с Мартой полетел на воздушном такси в отель Бордмана. Даже сейчас он помнил это путешествие так, будто совершил его в прошлом месяце, а не почти пятнадцать лет назад. Аэротакси взмыло в воздух и понеслось, почти касаясь корпусом заснеженных горных вершин. Они летели так низко, что отчетливо видели длинноногого зверя, похожего на горного козла, которого здесь называли «горный скакун», бегущего по сверкающему леднику: две тонны мышц и костей, неправдоподобный колосс, самый ценный аттракцион планеты Мардук. Далеко не всякий человек способен за всю жизнь заработать столько, сколько стоила лицензия на охоту на горного скакуна. Мюллеру, однако, и эта цена казалась слишком низкой.

Они сделали три круга над могучим зверем и полетели дальше в долину, находящуюся за горной цепью, где, как пояс из бриллиантов, блестела цепь озер. Около полудня они приземлились на краю шелковистой равнины, покрытой вечнозеленой растительностью. Бордман снял самые дорогие апартаменты в этом отеле, со множеством всяких экранов и прочих приспособлений. В знак приветствия он пожал Мюллеру запястье, а Марту обнял почти распутно. Марта в его руках вела себя отчужденно и сдержанно; было совершенно очевидно, что она расценивает этот визит как пустую трату времени.

– Вы голодны? – спросил Бордман. – Сначала еда, потом разговоры!

Напитки уже были сервированы в его номере: янтарное вино в кубках из голубого горного хрусталя, добываемого на Ганимеде. Потом они вошли в ресторационную капсулу и полетели от отеля, чтобы во время обеда любоваться прекрасными видами долин и озер. Блюда появлялись из контейнера, пока они сидели, удобно развалившись в пневматических креслах. Мелко нарезанный салат из местной зелени, рыба с рисом, нездешние овощи, тертый центурийский сыр, стеклянные емкости холодного рисового пива, а после всего – густая и пряная зеленая настойка. Закрытые в летящей капсуле, они спокойно пили, ели, любовались пейзажем, вдыхали свежий воздух, накачиваемый внутрь, любовались пестрыми птицами, пролетающими мимо и порхающими среди ветвей огромных хвойных деревьев. Бордман тщательно подготовил все это, чтобы создать правильный настрой, но Мюллер считал, что его старания напрасны. Его так просто не провести. Он в принципе готов был взяться за любое дело, которое предложит ему Бордман, но вовсе не потому, что этот обед усыпит его бдительность.

Марта явно скучала. Она хладнокровно игнорировала наглые взгляды Бордмана. Ее сверкающее одеяние явно было рассчитано на то, чтобы скорее подчеркивать, чем скрывать ее прелести. Сверкающие длинные цепочки соединяли в единое целое кусочки блестящего вещества, меняющего при движении цвет, как в калейдоскопе, иногда на доли мгновения становящегося совсем прозрачными, открывая взглядам окружающих ее груди, бедра, живот и ягодицы. Бордман по достоинству оценил то, что видел, и, казалось, был готов пофлиртовать с этой вроде бы такой доступной девушкой, но она оставалась полностью равнодушной к его знакам внимания. Мюллера это забавляло. Бордмана – нет.

После обеда капсула замерла у берега озера, глубокого и прозрачного, поверхность которого выглядела как россыпи драгоценных камней. Стенки раздвинулись, и Бордман спросил:

– Может, юная леди желает поплавать, пока мы будем вести унылый деловой разговор?

– Отличная мысль, – сказала Марта скучающим тоном.

Встав с кресла, она коснулась замка на плече и позволила одежде соскользнуть по лодыжкам. Бордман эффектным жестом поднял ее и положил на спинку стула. Марта машинально поблагодарила его улыбкой и сошла на берег озера – нагая, загорелая фигура в солнечном свете, который через ветки деревьев плясал солнечными зайчиками по ее узким плечам и округлому заду. Она на мгновение замерла, когда вода закрыла голени, затем прыгнула вперед и вспорола гладь озера сильными спокойными гребками.

– Довольно милая, Дик, – сказал Бордман. – Кто она?

– Девушка. Скорее всего молодая.

- Моложе тех, с кем ты обычно встречаешься. И слегка испорченная. Давно ее знаешь?
- С прошлого года. Понравилась?
- Разумеется.
- Я скажу ей об этом, – пообещал Мюллер. – Но не сегодня.

Бордман улыбнулся таинственной, как у Будды, улыбкой и кивнул на консоль с напитками. Мюллер покачал головой. Марта уже возвращалась к берегу, плывя на спине, так что над гладкой поверхностью воды были видны розовые соски. Оба искоса посмотрели друг на друга. Они казались ровесниками возрастом немного за пятьдесят. Бордман – крепыш, сидящий и крепкий. Мюллер худоват и тоже сидящий и крепкий. Вдобавок, когда они сидели, можно было подумать, что они одного роста. Внешность была обманчива: Бордман на самом деле старше на целое поколение, а Мюллер выше на пятнадцать сантиметров. Знали они друг друга уже лет тридцать.

В каком-то смысле работа у них была одна – они оба принадлежали к неадминистративной части правительства, заботящейся о том, чтобы общественная структура человечества оставалась единой в просторной Галактике. Они не занимали никаких официальных должностей. Однако служили всеми своими талантами человечеству; Мюллер уважал Бордмана за те методы, которые тот использовал при построении своей долгой и впечатляющей карьеры, но не мог сказать, что этот старик ему действительно нравится. Он знал, что Бордман – проницательный и беспринципный человек, преданный прежде всего общему благу человечества. А сочетание преданности с беспринципностью всегда бывает небезопасным.

Бордман извлек из кармана пиджака видеокубик и поставил его на стол перед Мюллером. Маленький молочно-желтый кубик лег на поверхность стола из черного мрамора, словно игральная кость в какой-то сложной игре.

- Включи, – предложил Бордман. – Проектор рядом с тобой.

Мюллер вставил кубик в приемный паз. Над серединой стола возник большой куб – почти метр по диагонали. В кубе возникло изображение. Мюллер увидел какую-то планету, окутанную облаками пепельно-серого цвета, внешне похожую на Венеру. Камера регистрирующего аппарата прошла сквозь слой облаков и передала панораму неизвестной планеты. Точно не Венера. Почва там оказалась влажной и губчатой, на ней росли будто бы резиновые деревья в форме гигантских поганок. Трудно было сориентироваться в пропорциях, но деревья казались большими. Их стволы с бледной шершавой поверхностью были дугообразно изогнуты, словно натянутые луки. От корней до одной пятой высоты они были покрыты наростами, похожими на тарелки. Над стволами не было ни ветвей, ни листьев, только широкие, почти плоские купола, снизу покрытые бахромой. Внезапно в этом унылом лесу появились три удивительные фигуры. Они были очень высокие и тонкие, словно паутинки, и от узких плеч отходили пучками восемь или десять конечностей, в зависимости от ширины плеч существа. Головы у них были конические, с рядом глаз у основания, ноздри – небольшие щели в коже, рты открывались сбоку. Существа передвигались, переставляя изящные ноги с шарообразными утолщениями вместо стоп. Хотя одежды на них не было, разве что декоративные ленты, обвязанные между первым и вторым суставами запястья, Мюллер не мог высмотреть ничего такого, что говорило бы об их половых органах или о кормлении детенышей. Их шкура не имела какой-либо окраски, передавая лишь доминирующую серость в этом сером мире, и выглядела словно бы чешуйчатой, с небольшими ромбовидными выступами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.